

КОНСТАНТИН
ВАГИНОВ

ЛЕНИНГРАД
1926

КОНСТАНТИН

ВАГИНОВ

ЛЕНИНГРАД

1926

**Reprint by Ardis
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan
1978
1000 copies**

А. ФЕДОРОВОЙ

Умолкнул гул, повеяло прохладой,
Темнее ночи и желтей вина
Проклятый бог сухой и злой Эллагы
На пристани остановил меня.

Июль 1921 г.

Помню последнюю ночь в доме покойного
детства:
Книги разограны, лампа лежит на полу,
В улицы я убежал, и медного солнца
ресницы
Гулко упали в колкие плечи мои.
Нары. Снега. Я в толпе сермяжного
войска.
В Польшу налет — и перелет на Восток.
О, как сияет Китайское мертвое солнце.

Помню, о нем я мечтал в тихие ночи
тоски.

Снова на родине я. Ем чечевичную кашу.
Моря Балтийского шум. Тихая поступь
ветров.

Но не откроет мне дверь насурмленная
Маша,
Стан белых людей лошадей грызут при
луне.

Март 1922 г.

ПОЭМА КВАДРАТОВ.

I.

Да, я поэт трагической забавы,
А все же жизнь смертельно хороша.
Как будто женщина с линейными руками,
А не тлетворный куб из меди и стекла.

Снует базар, любимый говор черни.
Фонтан Бахчисарайский помнишь, друг.
Так от пластических Венер в квадратах
кубов
Провалимся.

2.

На скоротечный путь вступаю неизменно,
Легка нога, но упадает путь:
На Киликийский Тавр — под ухом гул
гитары,
А в ресторан — но рядом душный Гмол.
Да, человек подобен океану,
А мозг его подобен янтарию,
Что на берегах лежит, а хочет вливься
в пламень
Огромных рук, взметающих зарю.

И голосом своим нерукопворным
Даруя гань грядущим племенам,
Я знаю, — кирпичом огнеупорным
Лежу у христианских стран.
Струна гудит, и дьшат лавр и мята
Костями эллинов на встряной земле,
И вот лечу, подхватываю спиралью.
Где упаду?

3

И вижу я несбывшееся детство,
Сестры не дали мне, ее не сотворить
Ни рокому дубрав великолепной славы,
Ни золоту цыганского шатра.
Да, тело — океан, а мозг над головою
Склонен в зрачки и видит листный сад

И времена тугие и благие
Великой Греции роскошные утра.
Скрутилась ночь. Аиша, стан девичий,
Смотри, на лодке, Пряжку серебра,
Плывет заря. Но легкий стан девичий
Отвечствует: «Зари не вижу я».

4

Да, я поэт трагической забавы,
А все же жизнь смертельно хороша,
Как будто женщина с линейными руками,
А не плетворный куб из меди и стекла.
Снует базар, любимый говор черни.
Фонтан Бахчисарайский помнишь, друг.
Так от пластических Венер в квадраты
кубов
Провалимся.

Покавший дом и гул протяжных улиц.
Отшельника квадратный лоб горит.
Овальным озером, бездонным кругом
По женским плоскостям скользит.
Да, ты, поэт, владеешь плоскостями,
Квадратами ямбических фигур.
Морей погасших не запомнит память
Ни белизны, ни золота Харит.

Июнь 1922 г.

Любовь страшна не смертью поцелуя,
Но скитом яблочным, монашеской ольхой,
Что пронесутся в голосе любимой
С подщелкиванием резким: «Упокой».

Давно легли рассеянные пальцы
На плечи детские и на бедро твое,—
И позабыл и волк, и волхв и лирник
Гортанный клекот лиры боевой.
Мой конь храпит и мраморами брызжет.
Не променяю жизнь на мрамор и гранит,
Пока в груди живое сердце дышит,
Пока во мне живая кровь поет.
Кует заря кибитку золотую,
Цегас, взорли кипящую любовь,—
Так говорю, и музу зрю нагую
В плаще дѣрявом и венке из роз.
Богоподобная, пристало ли томиться,
Оставь в покое грешного певца.
Колени женские прекраснее чем лица
Прекрасномраморного мудреца.

Любовь страшна, монашенкою смуглой
Ты ждешь меня и плачешь на заре,
Ольха скрипит, ракитный лист кру-
жится,
И вместо явства уксус и полынь.

Июнь 1922 г.

Человек.

Среди ночных блистательных блужданий,
Под треск травы, под говор городской
Я потерял морей небесных пламень,
Я потерял лирическую кровь.
Когда заря свои погреблет перья,
Я у ворот безлиственно стою,
Мой лучезарный лик в чужие плечи канул
В крови случайных женщин изошел.

Хор.

Вновь повернет заря. В своей скалистой
ночи

Орфей раздумью предан и судьбе,
И звуки ластятся, охватывают плечи
И лире тянутся, но не находят струн.

Человек.

Не медномраморным, но жалким человеком
Стою на мраморной просторной вышине.
А ветер шумит, непойманные звуки
Обратно падают на золотую ночь.
Мой милый друг, сладка твоя постель
и плечи.

Что мне восторгов райские пути.
Но помню я весь холод зимней ночи
И храм большой над синей крутизной.

Х о р.

Обыкновенный час дарован человеку.
Так отрекаемся, едва пропел петух,
От мрамора, от золота, от хвои
И входим в жизнь, откуда выход—смерть.

Август 1922 г.

Шумит Родос, не спит Александрия,
И в черноте распущенных зрачков
Встает звезда, и легкий запах море
Горстями кинуло. И снова рыжий день.
Поэт, ты должен быть изменчивым, как
море, —
Не заковать его в ущелья гулких скал.
Мне вручен цветущий Финский берег
И римский воздух северной страны.

Умолк. Играй, игрок, ведѣ все равно
кладбище.

Задул ночник, спокойно лег в постель.

Мне никогда и ничего не снится.

Зеленый стол и мертвые кресты.

Ноябрь 1922 г.

Я полюбил широкие каменья,
Тревогу трав на пастбищах крутых,—
То снится мне. Наверно день осенний,
И дождь пролетит на улицах благих.
Давно я зряч, не ощущаю крыши,
Прозрачен для меня словесный хоровод,
Я слово выпущу, другое кину выше,
Но, все равно, они вернуться в круг.

Смотрю на золото предутренних све-
чений,

Вдѣхаю порами балтийские ветра.

Не возвратимого не возвращают,

Напрасно музыка играет по ночам,

Не позабуду смерть и шелестенѣ знаю.

И прохожу над миром одинок.

Февраль 1923 г.

Крутым быком пересекая стены,

Упал на площадѣ виноградный стих.

Что делатѣ нам, какой суровой карой

Ему сиянѣ славы возвратим.

Мы закуем его в тяжелые напевы,

В старинные, чугунные слова,

Страдания мои—страдания темной рои
И пламень мой — сияние камней.

Средь шороха домов, средь кирпичей
крылатых

Я женщину живую полюбил,

И я возненавидел дух искусства

И, как живой, зарей заговорил.

Но путник тот, кто путать не умеет.

Я перепутал путь — быть зодчим не
могу.

Дай силу мне отринуть жезл искусства,

Природа — храм, хочу быть прахом в ней.

И снится мне, что я вхожу покорно

В широкий храм, где пахнут пастухи,

Что там жена, погреблющая сына,

Средь пастухов, погреблющих пласты.

Взрощен искусством я от колыбели,
К природе завистью и ненавистью полн,
Все чаще вспоминаю берег тленный
И прах земли, отвергнутые мной.

Февраль 1923 г.

И пестрой жизнь моя была
Под небом северным и острым,
Где мед хранил металла звон,
Где меду медь была подобна.
Жизнь нисходила до меня,
Как цепь от предков своенравных,
Как сановитый ход коня,
Как смугломраморные лавры.

И вот один среди болот,
Покинутый потомками своими,
Певец-хранитель город бережет
Орлом слепым над бездыханным сыном.

Февраль 1923 г.

Не человек: все отошло и ясно,
Что жизнь проста. И снова тишина.
Далекий серп богатых Гималаев,
Среди равнин равнина я
Неотделимая. То соберется колом,
То лесом изойдет, то прошумит травой.
Не человек: ни взмахи волн, ни стонь,
Ни грохот волн и отраженье волн.

И до утра скрипели скрипки, —
Был ярок пир в потухшей стороне.
Казалось мне, привстал я человеком,
Но ты склонилась облаком ко мне.

Март 1923 г.

«Я воплотил унывный голос ночи,
«Всех сновидений юности моей.
«Мне страшно, друг, я пережил паденье,
«И блеск луны и город голубой.
«Прости мне зло и ветреные встречи,
«И разговор под кущей городской.»
Вдруг пир горит, грузья
погреблют плечи,
Толпою свеч лицо освещено.

«Как странно мне, что здесь себя я
встретил,
«Что сам с собой о сне заговорил.»
А за окном уже стихает пенье,
Простерся день равниной городской.

Х о р.

«Куда пойдет проснувшийся средь пира,
«Толпой грузей любезных освещен?»
Но крик горит:
«Средь полунощных сборищ
«Дыханью роц напрасно верил я.
«Средь очагов, согретых беглым спором,
«Средь чуждых мне проходит жизнь моя.
«Выс крылись, дни сладчайших разрушений,
«Унылый визг стремящейся зимы

«Не возвратит на низкие ступени
«Спешащих муз холодные ступни.
«Кочевник я среди семейств спешащих
«К безднлю. От лавров далеко
«Я лиру трогаю размеренней и строже,
«Шатер любви простерся широко.
«Спи, лира, спи. Уже Мария внемлет,
«Своей любви не в силах превозмочь,
«И до зари вокруг меня не дремлет
«Александрии башенная ночь.»

Июль 1923 г.

Один средь мглы, среди домов вешивистых
Волнистых струн перебираю прядь.
Так ничего, что плечи зеленеют,
Что язвы вспыхнули на высохших перстах.

Покойных дней прекрасная Селена,
Предстану я потомкам соловьем,
Слегка разложенным, слегка окаменелым,
Полускульптурой дерева и сна.

Ноябрь 1923 г.

Под гром войны тот гробный татъ
Свершает путь поспешный,
По хриплым плитам тело волоча.
Легка лагбья. Дома уже пылают.
Перетащил. Вернулся и потух.

Теперь одно: о, голос соловьиный!

Перенеслось:

«Любимый мой, прощай».

Один на площади среди дворцов змеистых
Остановился он — бесмысленная мгла.
Его же голос, сидя в пыльном доме,
Кивал ему, и пел и рвался сквозь окно.
И видел он горящие волокна,
И целовал летящие уста,
Полуживой, кричащий от боязни
Соединился вновь — хоть тлен и пу-
стога.
Над аркою коням Берлин двухбортный
снится,
Полки примерные на рысках лошадях,
Дремотною зарей разверченны собаки,
И очертанье гор бледнеет на луне.
И слышит он, как за стеной глубокой
Отъединенный голос говорит:

«И видел горы ты, подстриженные купы,
«Прозрачный голос матери твоей,
«Со мной, безбрежный, ты скитался
«И тек, и падал, вскакивал, пенясь.»

Ноябрь 1923 г.

И лирик спит в проснувшемся приморье,
Но тело легкое стремится по струнам
В росистый дом, без крыши и без пола,
Где с другом нежным юность проводил.
И голос вдруг во мраморах рвигает:

«О, друг, меня побереги.

«Своим дыханием расчетным

«Мое дыханье не лови.»

Январь 1924 г.

Как хорошо под кипарисами любви
На мнимом острове, в дремотной тишине
Стоять и ждать погружи пробужденье
Пока зарей холмы окружены.
Так возросло забвенье. Без тревоги,
Ясней луны, сижу на камне я.
За мной жена, свои простерши косы,
Под кипарисы память повела.

Январь 1924 г.

ПСИХЕЯ.

Спит брачный пир в просторном мер-
твом граде,
И узкое лицо целует Филострат.
За ней весна свои цветы колыхает,
За ним заря, растущая заря.

И снится им обоим, что приплыли
Хоть на плотах, сквозь бурю и войну,
На ложе брачное под сению густою,
В спокойный дом на берегах Невы.

Январь 1924 г.

О, сделай статуей звенящей
Мою оболочку,
Чтоб после отверстого плена
Стояла и пела она
О жизни своей ненаглядной,
О чудной подруге своей
Под сенью смарагдовой ночи,
У врат Вавилонской стены.

Для вставшего в чреве могилы
Спокойная жизнь не страшна,
Он будет, конечно, влюбляться
В домовбе, в жену у огня.
И ложным покажется ухо,
И скипетронощный прибор,
И золото черного шелка
Лохмотий его городов.

Апрель 1924 г.

Из женовидных слов змей струятся
строки,
Как ведам распахнутых кричащий хоро-
вог,
Но шм храни державное спокойство,
Зарю венчаный и миртами в ночи.

И медленно, под тембр гитары темной,
Ты подбирай слова, и приручай и пой,
Но не лишай ни глаз, ни рук, ни ног
зловещих,
Чтоб каждое несло, но за руки держась.
И я вошел в слова, и вот кружусь я с
ними,
Танцую в такт над дикой крутизной.
Внизу дома, окружены зарею,
И милая жена, как темное стекло.

Апрель 1924 г.

Под лихолетием одичалым,
Среди проулков городских
Он еле видной плоской тенью
Вдруг проскользнул и говорит:

«Мне вспыхивать, другим — сиянье.
«Но вспыхиванье — суета,
«Я оборвался средь зияний,
«До вас разверзлась жизнь моя».
И тихий шопот плыл под губом,
И семиградный встал слепец,
Заговорил в домашнем кругу
О друге юности своей:
«Он необуздан был средь бдений
«Под сновиденьем городским,
«Не жизнь искал он — сладкой доли
«Жизнь проводит среди ночей.»

Апрель 1924 г.

В одежде из старинных слов
На фоне мраморного хора

Свой острѣйшій ликъ я погрузилъ в партер,
Но лилия явилась мнѣ из хора.
В ее глазахъ грожала глубина
И стукъ сиялъ домашнего вязанья.
А на горе фонтана краснѣйшій блескъ,
Заученное масокъ гоготанье.
И жизньъ предстала сагомъ мнѣ,
Увы, не пышнѣйшимъ польскимъ сагомъ.
И выступаю изъ колоннъ
Моихъ ночей мрачноречивѣйшихъ.
Но какъ мнѣ житьъ средѣ людныхъ очаговъ,
В плаще трагичеескомъ героя,
С привычкою все отступатьъ назадъ
На два шага, с откинутой спиною.

Апрель 1924 г.

ОТШЕЛВНИКИ.

Отшельники, тристаны и поэмы,
Пылающие силой вещества —
Три разных рукава в спящих дебрях мира,
Прикованных к ластящемуся дну.
Среди людей я плыл по морю жизни,
Держа в цепях вбичающую тоску,
Хотел забыться я у ног любви жемчужной,
Сидел, смеясь, на днище корабля.
Но день за днем случалось оперенье
Крылатых туч над головой тройной,
Зеленых крон все тише шелестенье,
Среди пустынь вдруг очутился я.
И слышу песнь во тьме руин высоких,
В рядах колонн без лавра и плюща:

«Пустынная жизнь среди Пальмир
несчастных,
Где молодость, как виноград, цвела
В руках умелых садовода
Без лиц.
В его сагах необозримых,
Неутолимь и ясны,
Выходят из развалин парь
И вспыхивают на порогах мглы.
И только столп стоит в пустыне,
В тяжелом пурпуре зари,
И борогой Эрот играет,
Копытцами переступает
На барельефе у земли.
Не растворяй в сырую ночь, Геката,—
Среди пустынь пустую жизнь влачу,

Как изваяния, слова сидят со мною
Желанней пиршества и тише голу-
бей.

И выступает город многолюдный,
И рынок спит в объятях тишины.
Средь антикваров желчных говорю я:
— Пустынных форм томительно
ищу».

Смолкает песнь. Тристан рыдает
В расщелине у драгоценных плит:
«О, для того-ль Изольды сердце
Лежало на моей груди,
Чтобы она, как Филомела,
Взлетела в капище любви,
Чтобы она прекрасной птицей
Кричала на ночных берегах...»

Пересекает голос лысый

Из кельи над рекой пустой:

«Не возделел красот я мира,

Мой кабинет был остеклен,

За ними книги в пасти черной,

За книгами—сырая мгла.

Но все же я искал названий

И пустоту обогащал,

Наследник темный схимы темной,

Сухой и бледный, как монах.

С супругой нежной в жар вечерний

Я не спускался в сад любви...»

Но выступает столп в пустыне

Шаги из келии ушли.

И в переходах отдаленных,

На разрисованных цветах,

Пространство музыкой светило,
Как будто солнцем озарилась
Невидимой, но осязаемой речью:

«Когда из волн я восходила
На итальянские поля,
Но здесь нежданно я нашла
Остаток сына в прежнем зале.
Он красен был и молчалив,
Когда его я поднимала,
И ни кудрей, и ни чела,
Но все же крылышки грожали».

И появившись вдалеке
В плаще багровом, в ризе синей,
Седые космы распустив,
Она исчезла над пустыней.
И смолкло все. Как лепка рук умелых,
Тристан в расщелине лежит,

Отшельник дремлет в келви книжной,
Поэт кричит, окаменев.
Зеленых крон все громче шелестенье.
На улице у растовыренных громаг,
Очнулся я. Проходит час весенний
Свершеннѣй день раскрылся у ворот.

Май — Сент. 1924 г.

Поэзия естѣ дар в темнице ночи струн-
ной,
Пылающий, нежданнѣй и глухой.
Природа мудрая всего меня лишила,
Таланты шумные, как серебро взяла.
И я из башни свесившись в пустыню,
Припоминаю лестницу в цвѣту,

По ней взбирался я со скрипкой много-
трудной,
Чтоб волнами и миром управлять.
Так в юности стремился я к безумью,
Загнал в глухую темь познание мое,
Чтобы цветок поэзии прекрасной
Питался им, как почвою родной.

Сентябрь 1924 г.

Одно неровное мгновение
Под ровным оком бытия
Свершаю путь я по пустыне,
Где искушает скорбь меня.
В шатрах скользящих свет не гаснет,
И от зари и до зари

Венчаюсь с скорбью, и прощаюсь,
И вновь венчаюсь до зари.
Как будто скорбь владеет мною,
Махнет платком — и я у ног,
И чувствую: за поцелуй единственный
Я первородством пренебрег.

Сентябрь 1924 г.

АНАХАРЗИС

Под чудотворным, нежным звоном
Игральных слов стою опять.
Полудремотное существование —
Вот что осталось от меня.

Так сумасшедший собирает
Осколки, камешки, сучки,
Переменясь, располагает
И слушает остатки чувств,
Навьюченных на них.
И каждый камешек напоминает
Ему — то тихий говор хат,
То громкие палаты дождей,
Быть может, первую любовь
Средь Петербургских улиц шумных,
Когда, вдруг вмирал проспект,
И он с подругой многогульной
В который раз свой совершал пробег,
Обеспокоен смутным страхом
Рассветом, детством и луной.

Но снова ночь благоухает,
Янтарным дымом полон Крым,
Фонтаны бьют, и музыка плывет,
И нерисды легкие резвятся перед ним.

Октябрь 1924 г.

—

Не тщишь, художник, к совершенству
Поднять резец искривленной рукой,
Но выточь его, покрой изящным золотом
И со статуей рядом положи.
И магнитически притянутые взоры
Тебя не проглядят в разубранном резце,
А статуя под покрывалом темным
В венце домов останется молчать.

Но прилетят года, резец твой потуск-
неет,

Проснется статуя и скинет темный
плащ

И, патетически перенимая плач,
Заговорит, притягивая взоры.

Октябрь 1924 г.

О, сколько лет я превращался в эхо,
В стоящий вихрь развалин теневых.

Теперь я вырвался, свободный и сколь-
зящий,

Я на балкон взошел, где юность начинал.

И снова стрелы улиц освещенных

Марионетную толпу струили пого мной.

И, мне казалось, в этот час отвесный

Я символистом свесился во мглу,

Сегьм и пережившим становленбе
И оперяющим опятьъ глаза свои
И одиночество при свете лампы ясной,
Когда не ждешъ восторженньхъ грузей,
Когда поклонницы стареющей оравой
На креслахъ наступившее хулят.
Нет, я другой. Живое начертанбе
Во мне растет, как зарево.
Я миру показатбъ обязан
Вступленіе зари в еще живѣе ночи.

Декабрь 1924 г.

Да, целый год я взвешивал,
Но не понять мне моего искусства.
Уже в садах осенняя прохлада,
И дети новые грузей вокруг меня.
Испытывал я тщетно книги
В пергаментях суровых и новые
Со свежей типографской краской.
В одних — наитие, в других же — соче-
танье,
Расположение — поэзией зовется.
Иногда
Оольница для ума лишенных снится
мне,
Чаще сад и беззаботное чириканье.
Равно невыносимы сны.
Но забываюсь часто, попрежнему
Бесмысленно хватаю я бумагу —

И в хаосе заметное сгущенье,
И быстрое движение элементов,
И образы под яростным лучом —
На миг. И все опять исчезло.
Хотел бы быть ученым, постепенно
Он мысль свою доводит до конца.
А нам одно блестящее мгновение,
И упражненье месяцы и годы,
Как в освещенном плещущей луной
Монастыре.
Пастушья сумка, заячья капуста,
Окно с решеткой, за решеткой свет
Во тьме повис. И снова я пытаюсь
Восстановить утраченную цепь,
Звено в звено медлительно вдеваю.
И кажется, что знал я все
В растроченные юношества годы.

Умолк на холмах колокольный звон,
Покойников хоронят ранним утром,
Без отпеваний горестных и трудных,
Как будто их субстанции хранятся,
Из рога в рог в телах живых.
В своей библиотеке позлащенной
Слежу за хороводами народов
И между строк прочитываю книги,
Халдейскою наукой увлечен.
И тот же ворон черный на столе,
Предвестник и водитель Аполлона.
Но из домов трудолюбивый шум
Рассеивает сумрак и тревогу.
И новый быт слагается,
Совсем другие песни
Поются в сумерках в одноэтажных горо-
дах.

Встают с зарей и с верой в первородство,
Готовятся спокойно управлять
До наступленья золотого века.
И принужденъе постепенно ниспадает,
И в пеленах проснулося ушя,
Кричит оно, старушку забавляя,
И пляшет старая с толпою молодой.

Декабрь 1924 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАН.
В пернатых облаках	7
Помню последнюю ночь	8
Поэма квадратов	9
Любовь страшна	13
Среди ночных блистательных блужданий.	15
Шумит Рогоз	17
Я полюбил широкие камни	18
В селеньях городских	19
Крутым быком	20
У трубных горл	21
И пестрой жизнь моя была	23
Не человек	24
Я воплотил унывный голос ночи	25
Один среди мглы	27
Под гром войны	28
Вблизи, от войны	31
И лирик спит	32
Как хорошо под кипарисами любви	33

	СТРАН.
Психея	33
О, сделай статуей звенящей	34
Из женовидных слов	35
Поу лихолетвем одичалым	36
В одежде из старинных слов	37
Отшельники	39
Анахарзис	46
Не тщишь, художник, к совершенству. . .	48
О, сколько лет я превращался в эхо . . .	49
Да, целый год я ввешивал	51

Издательство „Ардис”

Фазиль Искандер, САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА (1978).

Андрей Битов, ПУШКИНСКИЙ ДОМ (1978).

**Саша Соколов, МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ
(1978).**

Саша Соколов, ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ (1976).

Владимир Набоков, ДРУГИЕ БЕРЕГА (1978).

Владимир Набоков, ОТЧАЯНИЕ (1978).

Владимир Набоков, СОГЛЯДАТАЙ (1978).

Владимир Набоков, СТИХИ (1978).

ГЛАГОЛ 1 (1977).

ГЛАГОЛ 2 (1978)

Лев Копелев, И СОТВОРИЛ СЕБЕ КУМИР (1978).

Владимир Войнович, ИВАНЬКИАДА (1976).

Иосиф Бродский, ЧАСТЬ РЕЧИ (1977).

**Иосиф Бродский, КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ
(1977).**

**Алексей Цветков, СБОРНИК ПЬЕС ДЛЯ
ЖИЗНИ СОЛО (1978).**

